



Плейбой сюрреализма, папа соцарта...

Кушетка. — 1994. — 20 авг. — С. 7.

Очередь, выстроившаяся в Москве в эти жаркие дни «на Дали», причудливо петляет у Центрального дома художника. Искусствовед В. Мейланд как-то назвал это здание вокзалом искусства. И вот мы стоим на этом вокзале и наблюдаем, как негаснущее человеческое любопытство ищет здесь Сальвадора Дали после его смерти.

Это вторая выставка Дали в Москве. Первая была несколько лет назад на Волхонке в Музее изобразительных искусств. Художник был еще жив. Его выставка состояла из небольшого количества работ — гобеленов и черно-белой графики. Она не вызвала такого бурного ажиотажа, хотя забыть ее невозможно. В углу на экспозиции была поставлена восковая фигура Дали в роскошном одеянии таким образом, что от неожиданности зрители вздрагивали. Сам Дали! Усы его бодро торпорчились, глаза выкатывались из орбит прямо на вас. Бурная экспрессия его лица и застывшая поза вызывали нервный шок.

Но без игры, без возбужде-

ния психики нет Дали. Даже плохие иллюстрации, которые видели зрители в России до первой его выставки, ошарашивали и влекли к себе неудержимо. Плавающий жираф, расплавленные, как сыр, часы — что это такое, что все это значит!

Я встретила с людьми, которые знали или видели живо Дали. Это князь Никита Лобанов-Ростовский, известный коллекционер русского искусства (Лондон), исследователь русского авангарда Андрей Наков (Париж) и Владимир Тетерятников, эксперт из США, вернувшийся год назад в Россию (Москва). Каждому из них я задала один вопрос: что они могут вспомнить о Дали здесь, на выставке в Москве!

Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Нет ни одного современного художника, наследие которого было бы засорено таким большим количеством фальшивых работ, как у Дали. Од-

ни говорят, что он подписал пять тысяч чистых листов, другие — десять тысяч, а потом на них появились работы, которых он даже не видел. На этой выставке в Москве я заметил красные кружочки под его литографиями — это значит, что на них нашлись покупатели. На Западе рынок Дали среди знающих людей совершенно обанкротился. С трудом продается и его живопись. Даже картины, происхождение которых известно. А такого рода коммерческие выставки, как в ЦДХ, происходят по всей Америке, где ситуация с Дали известна из-за громких судебных процессов по поводу фальшивок. И все-таки его работы там покупают как декоративное пятно для украшения интерьеров.

Мне вспоминается забавный эпизод из моей жизни. Я всегда считал Дали одним из трех уникальных рисовальщиков нашего века наряду с Пикассо и Матиссом. Мы встречались с ним довольно часто в Нью-Йорке на парадных обедах у маркизы Куэвас, которая очень благоволила к русским людям, как и ее суп-

руг маркиз Куэвас, содержавший после смерти Дягилева балетную труппу. У него работали многие русские танцовщицы.

Это было в начале 70-х годов. По протоколу моя жена сидела возле Дали, а меня усаживали рядом с женой Дали Галой, чтобы мы могли разговаривать с ней по-русски. Мне захотелось иметь рисунок Дали, и я сказал ему:

— Я очень люблю бюст моей супруги Нины, у нее великолепная грудь конической формы. Предлагаю свой месячный заработок взамен десяти минут вашей работы.

Дали сказал, что с удовольствием нарисует портрет моей жены по пояс. Этот разговор произошел во время кофе. А спустя минут тридцать, когда мы раскурили гаваны, вдруг летит на меня Гала и кроет матом по-русски: «Ты — мошенник, надул Сальвадора! Разве ты не знаешь, что весь его талант — это первые десять минут. Потом он накладывает два часа масло. Но рисунок стоит две тысячи долларов, а картина — пятьдесят тысяч». Я холодно ответил, что мы уже

договорились и Сальвадор даже не спросил меня о моем месячном заработке.

Потом ко мне подошел сконфуженный Дали:

— Извините, мне очень неудобно. У меня затруднения с женой. Снимите с меня это обещание.

Так этот заказ остался невыполненным.

Андрей НАКОВ

Дали был прекрасным художником начиная с 20-х и до конца 30-х годов. Несколько месяцев назад в Лондоне выставлялся весь ранний его период. Вначале я не хотел идти на эту выставку, так как за последние двадцать лет я видел все, что только можно было видеть. Но все-таки я пошел и был удивлен, каким хорошим художником Дали был в начале творчества — интеллигентный, умный, избранный, просто первый сорт. Потом он пошел по коммерческому пути. Слава! Слава! Деньги! Он даже анаграмму из своего имени сделал: «Сальвадор Дали. Хочу доллары». И пошли работы, не интересные для истории ис-

кусства. Жил скандалами, писал разные провокационные программы. Он производил товар, который приносил ему богатство.

Я встречался с Дали несколько раз. Однажды из Парижа я поехал на Новый год к своему другу скульптору в портовый поселок, где жил Дали. Его дом стоял напротив. Он сам его построил, на крышах поставил скульптуры, сюрреалистические яйца и выкрасил все белым цветом. Принимал он нас, сидя на троне, как Папа римский. Все вокруг себя он превращал в театр. Речь его была очень любопытна: парадоксы сыпались из него фейерверком. А мы должны были смотреть на него, восхищаться, одним словом, быть его поклонниками. Ему нужна была публика. А публике нужны скандалы. Дали — плейбой сюрреализма. В нем отразилась паранойя XX века. И жизнь его закончилась скандалом. После смерти Галы он потерял все координаты жизни и скончался в сумасшедшем доме. Детей у них не было. О смерти не все хотят думать, так как

боятся ее. И вокруг богатого наследства оказалось много желающих пожить.

Владимир ТЕТЕРЯТНИКОВ

Я встретил Дали в Нью-Йорке на третий день эмиграции. Шел по улице, увидел шикарный отель, знаменитый по фильмам 20—30-х годов, в котором проходила вся светская жизнь: убийства, знакомства, балы.

Смотрю, стоит Дали. Я не удивился и даже не остановился. В моей психике это запечатлелось как нормальное явление. Я же уже здесь. Я приехал в этот мир, где есть Дали. Это теперь моя Америка и мой Сальвадор Дали. Я даже подумал тогда, что когда-нибудь мы еще встретимся и поговорим. Знакомым я написал в Москву, что видел Дали.

Из толпы: он ничем особенно не выделялся, ни ростом, ни одеждой. Он был в черном плаще, в шляпе. И мне показалось, что он лысоват и скрывает это.

Сегодня я, конечно, посмотрел бы на него с интересом. А тогда я знал только, что он известный художник. Потом, когда прочел о нем несколько книжек и, главное, его книги, эта личность меня заинтересовала. Я почувствовал, какой это стыдливый и даже стеснительный человек, «недотасочек» какой-то. Он так о себе искренне рассказывает, а

рассказать ему, в сущности, нечего. Как Эдик Лимонов — он потому и искренний, что ничего другого у него нет.

Мне запомнилось, как Дали описывает свою встречу с Галой, когда она была женой Поля Элюара. В рыбацкой деревне, в которой Дали родился, они сидели на пригорке и смотрели на море. Она взяла его руку и положила себе на грудь. Дали был пассивным человеком во всем. Гала — его вторая женщина. Без нее он ничего бы не сделал в жизни. Мне очень нравятся его «бзики», но он их просто так делал — играясь. Телефон в виде краба он сделал по заказу какого-то англичанина. А Гала стала продвигать его в магазины и продавала подобные работы как большое искусство. Дали был глуповатый человек, единственное, что в нем было положительного, — он уже с конца 20-х годов ненавидел коммунизм, тогда как все его друзья были коммунистами. Одна его картина называется так — «Ленин с обвислым задом пожирает младенца Дали», где он изобразил вожда в образе Вильгельма Телля. Хорошо известна другая его картина, на которой Ленин сидит за фортепиано, а на клавиатуре множество маленьких человечков, похожих на Ленина. Знаете, я думаю, что соцарт придумал Дали, а не Комар и Меламид.

Подготовила
Н. ДАНИЛЕВИЧ.